

Павел Владимирович Засодимский

В метель и вьюгу

Павел Засодимский
В метель и вьюгу

«Public Domain»

1888

Засодимский П. В.

В метель и вьюгу / П. В. Засодимский — «Public Domain», 1888

«...Вдруг ветер с такой силой ударил ее, что девочка невольно протянула руки вперед, чтобы не упасть, и кулак ее правой руки разжался на мгновение. Девочка остановилась и, наклонившись, начала что-то искать у себя под ногами. Наконец, она опустилась на колени и своими худенькими посиневшими ручонками стала шарить по сугробу. Через минуту пушистый снег уже покрывал ей голову, плечи и грудь, и девочка стала похожа на снежную статую с живым человеческим лицом. Она долго искала чего-то, долго рылась в снегу...»

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Павел Владимирович Засодимский

В метель и вьюгу

(Святочный рассказ)

I

День 25 декабря был сумрачный. Над городом низко нависли серые облака; шел снег. Смеркалось раньше обыкновенного; в три часа в домах зажгли огни. В сумерки весь город уже казался занесенным снегом. Все было в снегу: мостовые, крыши, заборы, деревья в садах... На улицах не видно было ни души. Только по красноватым огонькам, мерцавшим в окнах, можно было догадываться, что в этом белом, снегом занесенном городе жили-были люди.

Вечером разыгралась метель. Снег крупными хлопьями повалил с затянутого тучами неба. Холодный северо-восточный ветер бушевал... Как бешеный, как лютый зверь, с цепи спущенный, носился он по городским улицам и площадям, рвал и метал, дико завывая в трубах, и с ревом и стоном уносился за город – в поля, в леса, вздымая облака снежной пыли. Под напорами ветра деревья гнулись и скрипели жалобно. Флюгера на крышах как будто совсем растерялись и в недоумении, с визгом, вертелись туда и сюда, точь-в-точь как люди, застигнутые внезапно налетевшей бедой.

– Вот так погоду Бог дал для праздника! Свету Божьего не видать, говорили они, сидя в теплых комнатах и посматривая в окна.

– Да! Хорошо теперь тому, кто под крышей, – замечали другие, с великим удовольствием думая о том, что им самим тепло и хорошо и никуда им не надо идти в такую снежную бурю.

На улицах по-прежнему было не видать ни проезжего, ни прохожего.

– Господи, спаси и помилуй, ежели теперь кто-нибудь в дороге, в степи! – со вздохом говорили сидевшие в тепле.

– В такую погоду добрый хозяин собаку на двор не выгонит, – рассуждали жалостливые люди.

Действительно, даже собак было не видно и не слышно. Все они попрятались в сени, в сараи, забрались на вышки... Правду говорили добрые люди: свету Божьего было не видать, и хозяин собаку на двор выгонял... но человек выгнал человека из дома, даже в такую непогоду!..

На конце пустынной, широкой улицы в снежном вихре вдруг показалась какая-то девочка. Она тихо, с трудом брела по сугробам. Она была мала, худа, бедно одета. На ней было серое пальтишко с узкими, короткими рукавами, а на голове платок, какая-то рвань, вроде грязной тряпки. Платок прикрывал ей лоб, щеки, подбородок; из-под платка только блестели темные глаза да виден был кончик носа, покрасневший от холода. На ногах ее были большие черные валенки, и они, видимо, ей приходились не по ноге. Она медленно подвигалась вперед; валенки хлябали и мешали ей идти... Левой рукой она поминутно запахивала раздувавшиеся полы своего серого пальтишка, кулак же правой руки она крепко сжимала и держала у груди.

А снег все шел и шел, и вьюга бушевала. Ветер с яростью налетал на девочку, обдувая всю ее холодом и снегом. Он бесновался и крутился вокруг этой малютки, словно желая подхватить ее с земли, закружить в снежном вихре, вместе с ее черными валенками, и невесть куда умчаты на своих холодных крыльях. А девочка все брела, пошатываясь и спотыкаясь...

Вдруг ветер с такой силой ударил ее, что девочка невольно протянула руки вперед, чтобы не упасть, и кулак ее правой руки разжался на мгновение. Девочка остановилась и, наклонившись, начала что-то искать у себя под ногами. Наконец, она опустилась на колени и своими худенькими посиневшими ручонками стала шарить по сугробу. Через минуту пушистый снег

уже покрывал ей голову, плечи и грудь, и девочка стала похожа на снежную статую с живым человеческим лицом. Она долго искала чего-то, долго рылась в снегу...

– Господи! Что же мне теперь делать? – растерянно прошептала она.

Глаза ее были полны слез и смотрели жалобно... Она подняла голову и взглянула вверх...

Белые хлопья падали и падали на нее с темного мглистого неба.

– Как же я теперь?.. – шептала девочка, беспомощно оглядываясь по сторонам.

Сквозь метель и вьюгу в окнах были видны брезжащие огоньки... «Счастливые! – подумала девочка. – Хорошо им теперь под крышей, в тепле, у огонька». Слезы катились по ее щекам и застывали на ресницах. Девочка вся дрожала от холода, от пронизывающего ветра. Она опять стала смотреть вверх. Аверху – все то же... Ночное небо – темно и мглисто.

Девочка уже не пыталась идти и, закрыв глаза, только тяжело вздыхала. Шум и завывание ветра уже смутно доносились до нее. Ее начинало клонить ко сну... Она чувствовала, что замерзает, собрала последние силы и приподнялась.

– Эй! Помогите!.. Добренькие... – с отчаянием, дрогнувшим голосом крикнула она сквозь слезы, но звуки едва успевали слетать с ее губ, как ветер подхватывал их, рвал и заглушал, разнося на все четыре стороны.

Ни души живой не было вокруг; никто не слышал ее слезного призыва.

Девочка снова опустилась на снег. Еще несколько минут – и она заснет беспробудным, смертным сном...

А снег все шел и шел – и заносил несчастную малютку.

II

В это время с противоположного конца пустынной улицы шел какой-то высокий, рослый человек с палкой в руке, одетый не очень красиво, но зато тепло. Ветер изо всей мочи бесновался над ним, вьюга слепила ему глаза, но он твердой поступью шел вперед, опираясь на палку; видно, человек был здоровый, сильный и крепкий на ногах.

– Дуй, дуй, – весело говорил он налетевшему на него ветру, сыпавшему ему снегом прямо в лицо. – Дуй!.. Небось, не сдунешь! Ведь наш брат, рабочий, тяжел на подъем... Видали мы и не такие метели, да...

И вдруг он остановился, прервав на полуслове свой разговор с метелью. С изумлением увидел он перед собою полузанесенное снегом живое человеческое существо.

– Кто тут? – спросил он, наклоняясь.

– Это я! – послышался слабый детский голосок.

– Гм! Что же ты тут делаешь? – спрашивал рабочий.

– Денежку ищу...

Девочка, стоя на коленях, вся в снегу, смотрела, как спросонок, на стоявшего перед нею великана.

– Какую денежку? – переспросил тот.

– Денежку – трешник!.. – вяло, как со сна, бормотала девочка, еле ворочая языком. – Хозяйка послала за свечкой... в лавку... дала два трешника... а я выронила!.. Один трешник – вот, а другого не нашла...

Девочка разжала кулак и показала на ладони темную медную монетку.

– Отчего же домой не идешь? – сказал рабочий.

– Боюсь!.. Хозяйка опять станет бить... – пролепетала малютка.

– Ну, будет толковать! Тут и я с тобой, пожалуй, замерзну... Вставай-ка! Живо! Пойдем ко мне! – заговорил великан, поднимая девочку на ноги и отряхивая с нее снег. – Идти-то можешь? – спросил он, посмотрев на нее.

– Ноги не слушаются... – отвечала девочка, пошатываясь.

– Эх, девка, девка!.. Ну, да ладно, как-нибудь до дому доберемся! – сказал рабочий и поднял ее, как перышко.

И пошел он, одной рукой крепко прижимая ее к груди, чтобы ей было теплее, а другой опираясь на палку. Ветер с бешенством обрушился на него, словно злясь за то, что у него отняли добычу. Он налетал на рабочего то справа, то слева, то хлестал в спину снежным вихрем, то ударял в лицо и заслеплял глаза.

– Тьфу ты, провал тебя возьми! – не выдержал рабочий, шатнувшись в сторону со своей маленькой живой ношей. – Ведь с ног же, однако, не сшибешь. Шалишь, брат!..

Девочка широко раскрыла глаза и прислушалась.

– Вишь, сегодня сердит больно, разбушевался на беду, – ворчал рабочий. – Не нашел другого-то дня! В самое Рождество этакую кутерьму затеял. Да добро! Нашего брата не проберешь... Мы и в жару не горим, и в стуже не мерзнем...

– Ты, дяденька, с кем же разговариваешь? – спросила девочка, высовывая из-под рваного платка кончик своего красного носа.

– С Ветром Ветровичем говорю! – отвечал великан. – Не все же ему одному зверем реветь, надо и человеческому голосу свою речь повести...

Миновали они широкую пустынную улицу, прошли один переулок, завернули в другой и вскоре очутились на берегу речки, почти за гордом. Тут рабочий вдруг заметил, что к нему пристала какая-то рыжая, жалкая, лохматая собачонка. Она шла за ним, запорошенная снегом,

вся как-то сгорбившись, поджав хвост и низко понутив голову. Так ходят люди, забитые бедностью и горем... Собака шла за человеком, и человек не отгонял ее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.